

⁶ Там же. С. 63–64.

⁷ Там же. С. 66, 70.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Липранди И.П. Восточный вопрос и Болгария...

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 129–130.

¹² Там же. С. 28–29.

¹³ Там же. С. 51.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.1.3

Т. В. Гимадеев

Реакция на славянофильскую концепцию гуситского движения в чешской историографии середины XIX — начала XX вв.

Начиная с рубежа 1840-х — 1850-х гг. и вплоть до середины 1870-х гг. в русской историографии гуситского движения доминировало славянофильское направление, отчасти сохранявшее позиции (особенно в публицистике) на протяжении всего досоветского периода. Это направление уже было исчерпывающе исследовано Л.П. Лаптевой¹. Напомним лишь, что его представители (такие как А.С. Клеванов, Е.П. Новиков, А.Ф. Гильфердинг и др.) некритично приняли свидетельства протестантских авторов XVII в. — Богуслава Билейовского и Павла Странского — о том, что в Чехии на протяжении X–XV вв. якобы сохранялись элементы восточно-христианской традиции (важнейшим из которых они считали причащение мирян чашей), принесенной св. Мефодием. На основании этого они утверждали, что стремление вернуться к этой традиции и было главным движущим мотивом гуситского движения².

Еще в эпоху Просвещения Г. Добнер, основоположник исторической критики в Чехии, отвергал эти показания Би-

лейовского и Странского³. Патриарх чешской исторической науки Ф. Палацкий и в немецкой «Истории Чехии», и в первом издании уже чешской «Истории чешского народа» также признавал их свидетельства «беспочвенными»⁴. Во втором издании, вышедшем в 1870–1871-х гг., он, однако, скорректировал позицию под влиянием работ о распространении легенды о св. Вацлаве и Людмиле на Руси, а также текущей политической ситуации: после австро-венгерского соглашения Палацкий надеялся на поддержку Россией чешского национального движения⁵. В новой версии он утверждал, что «славянский обряд пустил более глубокие корни, чем думалось еще недавно», при этом оговаривая, что речь идет не о буквальном сохранении восточного вероучения, но о якобы существовавшем веками духе неподчинения католической церкви⁶.

Это обстоятельство повлияло на работу французского историка Э. Дени «Гус и гуситские войны», в которой он согласовывает новый взгляд Палацкого с позицией историка-славянофила А.Ф. Гильфердинга⁷. Именно за это работу Дени и критикует классик чешской позитивистской историографии Я. Голл в своей рецензии 1878 г. В ней он признал, что из новых утверждений Палацкого можно сделать вывод о его согласии со славянофильской концепцией. Эту теорию русских авторов о сохранении православных или кирилло-мефодиевских традиций в средневековой Чехии Голл охарактеризовал, как не подтверждающиеся документами «домысль», и противопоставил ей слова Палацкого из издания 1850 г.⁸ В работе «Братская община в XV в.» Я. Голл и вовсе назвал попытки все «увидеть в гуситском движении что-то вроде возрождения православия» «галлюцинациями, либо тенденциозным враньем»⁹.

Подробнее славянофильскую концепцию раскритиковал либеральный историк и апологет гуситского движения Й. Калоусек. В 1881 г. он написал работу «Об истории чаши в предгуситскую эпоху», годом позже в «Музейнике» вышла статья «Русские исследования о причинах и целях гуситского движения». В первой работе он напоминает, что причастие под обоими видами было распространено и в католической церкви, и утверждает, что в Чехии оно было прервано

еще в конце XI в., и потому не может быть связующим звеном между гуситством и мефодиевской эпохой¹⁰. Во второй статье Калоусек высоко оценил работу П.П. Васильева и И.С. Пальмова по развенчанию славянофильской теории в России, хотя и отметил, что первый «едва ли держал в руках чешскую книгу», а со вторым разошелся в вопросе даты прекращения в Чехии причащения под обоими видами¹¹.

Католические авторы также выступили с критикой славянофильской теории. Антонин Ленц, оппонент Калоусека в споре о пересмотре приговора Констанцкого процесса по делу Яна Гуса¹², в статье 1869 г. «Учение Гуса и православная церковь» доказывал, что Гус не согласился бы с православной позицией относительно предопределения, церковной иерархии, чистилища, а также касаясь соотношения Священного Писания и Священного Предания¹³. В работе 1915 г. «Ян Гус» Ян Седлак, один из наиболее выдающихся католических историков гуситского движения, писал, что отсутствие связи между Яном Гусом и православной или кирилло-мефодиевской традицией «уже не нужно доказывать»¹⁴. Как «ошибочные» характеризует представления славянофилов и публицист католического товарищества «Родина» Зденек Бретшнайдер (Ян Гендрих) в брошюре «Какой была историческая почва гуситства?»¹⁵.

Название работы Бретшнайдера отсылает нас к вышедшей в 1887 г. брошюре Йозефа Калаша «Какова историческая почва гуситства?», бывшей одной из немногих чешских работ, автор которой явно демонстрировал согласие со славянофильской концепцией. В своей работе Калаш, помимо всего прочего, заявил, что Ф. Палацкий знал о восточных корнях гуситства, но был вынужден молчать¹⁶. Помимо этого, он просто воспроизвел теорию русских авторов-славянофилов, активно цитируя Е.П. Новикова, А.С. Будиловича и А.Ф. Гильфердинга, ссылаясь также и на показания Павла Странского, а также демонстрируя знакомство с уже упоминавшийся работой Голла «Братская община в XV в.»¹⁷, просто игнорируя встречавшуюся там критику славянофильской концепции гуситского движения. Тем не менее данная ра-

бота была лишь одним из единичных примеров согласия со славянофильской теорией гуситского движения.

Таким образом, чешские авторы, во-первых, хорошо представляли как славянофильскую концепцию гуситства, так и в целом русскую историографию гуситского движения. Во-вторых же, несогласие со славянофильской концепцией, ее критика этой теории исходя из узости доказательной базы и тенденциозности этой теории были одним из немногих положений, объединяющих подавляющее большинство чешских авторов, писавших о гуситском движении, вне зависимости от принадлежности к научным школам, политическим партиям или религиозным конфессиям.

Примечания

¹ См. *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.). М., 1978; *она же.* Профессор И.С. Пальмов и его исследования по церковной истории зарубежных славян // Вестник церковной истории. 2007. №3 (7). С. 196–220; *она же.* История славяноведения в России в XIX в. Москва, 2005.

² *Она же.* Русская историография гуситского движения. С. 27–101.

³ *Goll J.* Huss et la guerre des Hussites par E. Denis // *Časopis Musea království Českého.* Roč. 52 (1878). Č. 4. S. 590–591.

⁴ *Palacký F.* Geschichte von Böhmen: Band III. Abt. 1. Prag, 1845. S. 157. ; *Idem.* Dějiny národu českého w Cechách a w Morawě. Díl III. Část 1. Praha, 1850. S. 7.

⁵ *Štaif J.* František Palacký — Život, dílo, mýtus. Praha, 2009. S. 273–275.

⁶ *Palacký F.* Dějiny národu českého... Díl III. Praha, 1899. S. 11–12.

⁷ *Дену Э.* Гус и гуситские войны / пер. с фр. А.Б. Ванькова. Москва, 2016. С. 13.

⁸ *Goll J.* Huss et la guerre des Hussites par E. Denis. S. 589–592.

⁹ *Idem.* Jednota bratrská v XV. století. // *Goll J.* Chelčický a jednota v XV. století. Praha, 1916. S. 153.

¹⁰ *Kalousek J.* O historii kalicha v dobách predhusitských. Praha, 1881. S. 14–19.

¹¹ *Idem.* Ruské bádání o příčinách a účelích hnutí husitského. // *Časopis Musea království Českého.* Roč. 56. Č. 1. S. 96–98.

¹² *Mečkovský R.* Katolická církev a moderní bádání o Janu Husovi. // *Sacra.* Roč. 3 (2005). Č. 1. S. 26.

¹³ *Lenz A.* Učení Husovo a církev pravoslavná. // *Časopis katolického duchovenstva.* Roč. 10 (1869). Sv. 7. S. 511–525.

¹⁴ *Sedlák J.* M. Jan Hus. Praha, 1915. S. 369.

¹⁵ *Bretšnajdr Z.* Jaká byla dějinná půda hnutí husitského? // *Husitství ve světle pravdy.* Roč. 5 (1908). Č. 1. S. 7.

¹⁶ *Kalaš J.V.* Jaká jest dějinná půda hnutí husitského? Praha, 1887. S. 2.

¹⁷ *Ibid.* S. 44, 48; 15; 39; 2.